

КАЛЕНДАРЬ «СМ»

ПРИЗНАНИЕ ОТ МАЛА ДО ВЕЛИКА

К 70-ЛЕТИЮ АРВИДА ЖИЛИНСКОГО

Передо мной письмо. Пришло оно из Юрмалы. От имени тридцати с лишним малышей восьмой группы детского сада «Марите» его написала их воспитательница Г. Н. Бедни. В письме говорится о радости, которую доставляет ребятам общение с музыкой Арвида Жилинского, о том, с каким удовольствием они разучивают и поют песенки из книжки «Кузница дятла», написанной в содружестве с поэтессой Дридой Ринкуле-Земзаре, слушаю: грампластинки с записями сочинений композитора. Письмо содержит и просьбу к редакции. Юным любителям музыки хочется побольше узнать о композиторе, который уделил им столь много внимания, стремится ввести их в мир прекрасного, сделать его доступным и необходимым. Нет сомнения в том, что и ребяташкам из «Марите» присоединятся и немало взрослых ценителей музыкального искусства. Ведь обширное по жанрам и тематике творчество народного артиста Латв. ССР лауреата республиканской Государственной премии профессора А. Жилинского пользуется признанием огромной аудитории — от мала до велика. Оно привлекает слушателей эмоциональной открытостью, непринужденностью, взволнованной лиричностью, романтически приподнятым воспеванием красоты человека и природы.

В ЭТИ мартовские дни заставить профессора дома было совсем не просто. Уже началась широко запланированная серия его юбилейных концертов. Телевидение в большой передаче под названием «Певец Родины» (ее можно будет посмотреть 31 марта) хочет рассказать о творческом пути композитора и поэтому требует многочасового присутствия своего героя в студии, а певцы, которые разучивают новые песни А. Жилинского, стремятся порепетировать с автором, получить его «благословение» перед выходом на концертную эстраду. Словом, дел у профессора очень много.

С трудом верилось, что в жизни этого привлекательного, статного и красивого человека наступает 70-я весна — столько в нем энергии, увлеченности любимым делом, почти юношеской непосредственности. В кабинете профессора множество ваз с розами — накануне его торжественно чествовали в консерватории, где проводился очередной концерт лектория «Музыкальные воскресенья». На видном месте большого письменного стола лежит скромная картонная папка, которую Арвид Янович показывает с нескрываемым удовольствием. Эту папку на прошедшем концерте ему подарил какой-то мальчуган: в нее вложены бережно вырезанные из журнала «Зилите» песенки Жилинского.

— Только с начала нынешнего года, — рассказывает композитор, — я побывал с концертами более чем в двадцати школах республики. Большое содействие мне в этом оказала ваша филармония. Меня очень радует внимание маленьких слушателей, особенно детворы начальных классов. Я абсолютно согласен с композитором Дмитрием Борисовичем Кабалевским, утверждающим, что тот, кому неведома музыка Бетховена или Чайковского, не может считаться полноценным человеком, полноценной личностью.

Детской тематике я уделяю постоянное внимание. — у меня написано более 250. песен для ребят. Кстати, могу сообщить малышам из «Марите»: издательство на следующий год планирует выпуск моей новой книжки «Чья работа лучше», также созданной совместно с поэтессой Д. Ринкуле-Земзаре. Стихи этого сборника на русский язык перевел москвич В. И. Викторов, с которым я не раз сотрудничал. Д. Ринкуле-Земзаре прекрасно чувствует закономерности детского вос-

приятия, психологию ребят. С ней мы вместе дружно работаем уже полтора десятка лет и, надо сказать, хорошо понимаем друг друга.

К моим двум прежним работам в области детского музыкального театра — к опере «Золотой конь» (по пьесе Я. Райниса) и балету «Спридитис» (по пьесе А. Бригадере), уже длительное время входящим в репертуар Театра оперы и балета Латвийской ССР прибавились новые. Это опера «Вей, ветерок!» — тоже райнисовская, постановка которой намечена на следующий сезон, и трехактный балет по мотивам произведения А. Бригадере «Чудоптица Лолите».

— Арвид Янович, Вы ведь начинали как пианист и были хорошо известны своей пианистической деятельностью. Когда же Вас привлекла композиция?

— Детство мое прошло в деревне. В семье у нас любили музыку. Магь часто пела латышские народные песни, а отец хорошо играл на гармонии и скрипке. Во время первой мировой войны мы оказались в Харькове, где мой дядя, подметив во мне музыкальные способности, решил, что нужно дать им развиваться. Он направил меня к профессиональным педагогам. Наставником моим стал известный русский пианист Р. Геника, ученик самого Н. А. Рубинштейна. Было мне тогда лет десять.

В 1920 году я продолжил занятия уже в Рижской консерватории. Моей дипломной работой (1927) стало исполнение Первого фортепианного концерта Чайковского. Исполнительская деятельность очень увлекала меня, готовились новые программы... Но неожиданная болезнь руки заставила серьезно задуматься о будущем, и я обратился к Язепу Витолу, который в то время вел в Риге класс композиции, с просьбой дать заключение — есть ли у меня дар композитора. Я. Витол счел возможным записать меня в свой класс. Вот так все и началось. А с деятельностью пианиста солиста я не расставался вплоть до 1949 года. Потом стало все сложнее совмещать эти две профессии музыканта. К тому же, казалось, что «сочинение», зафиксированное на бумаге, может прожить дольше, чем интерпретация исполнителя — тогда ведь не было тех огромных возможностей звукозаписи, которыми мы сейчас располагаем. Мне до сих пор, к примеру, обидно, что не записана великолепная игра на органе Альфреда Калныня.

В принципе я убежден в том, что композитору во всех случаях необходимо хорошо уметь

играть на фортепиано. Меня, у которого в фортепианном классе занималось большинство нынешних членов республиканского Союза композиторов, смущает, а иногда и просто возмущает, когда некоторые студенты композиторского отделения учатся играть на рояле без достаточного энтузиазма — лишь бы как-нибудь получить троечку. Если такого горе-студента будет одновременно учить даже семь профессоров, они все равно мало чего добьются. Пока не будет приложен самостоятельный труд, ничего не получится — приобретенные знания необходимо закреплять самому, наедине с инструментом.

— Вы написали только песен — около 600. А есть еще оперы, балеты, музыкальные комедии. В чем для Вас, профессор, «муки творчества»?

— Я обычно стараюсь забыть свои песни. Делаю это для того, чтобы, сочиняя новые, не повторяться. Всю жизнь меня вдохновляли слова Я. Витола, который после моего авторского концерта сказал: «Приятно порадовала мелодичность Вашей музыки. Этому трудно научить. Держитесь ее, старайтесь ее развивать». Фантазия мне пока не отказывает. Главная трудность для меня не в сочинении мелодии. Отобрать из множества возникающих при знакомстве со стихотворением ту, одну-единственную, которая обладает наибольшей силой воздействия, наибольшей выразительностью — вот что сложно.

— Я отлично понимаю, профессор, что свободного времени у Вас немного, и все же...

— Очень люблю природу. Как приятно, скажем, посидеть летним утром с удочкой, покататься по озеру! А походить по лесу в поисках грибов... Для меня природа полна мелодий. Это и гомон птичьих голосов, и свист ветра поздней осенней ночью...

Привлекают и путешествия, те новые впечатления, которые они дают. Я немало ездил по нашей стране, бывал в Италии, Франции, Чехословакии, Польше. Надеюсь, что этот список в дальнейшем можно будет продолжить.

— От имени читателей «Советской молодежи» благодарю Вас за беседу и поздравляю с юбилеем. Здоровья Вам, долгих лет жизни, новых творческих успехов!

Р. ХАРАДЖАНИН.